

Теория определения Герберта Харта в контексте аналитической философии права*

Оглезнев Виталий Васильевич,

доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры теории и истории государства и права
юридического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9
E-mail: ogleznev82@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается теория определений британского правоведа Герберта Харта в контексте современной аналитической философии права. Неудовлетворенность в применимости традиционного метода определения через ближайший род и видовое отличие к прояснению правовых понятий привела Харта к необходимости разработки нового способа определения. Показано, что Харт не только видоизменяет технику парафразы Иеремии Бентама, но и старается адаптировать к анализу правовых понятий определение в употреблении, заимствованное у философов-аналитиков и логиков. Установлено, что основная суть метода Харта заключается в том, что вместо определения отдельного термина необходимо рассмотреть высказывание, где соответствующее языковое выражение играет характерную для себя роль и разъясняется, во-первых, посредством спецификации условий, при которых все высказывание истинно, и, во-вторых, посредством того, как данное выражение употребляется для того, чтобы получить заключение на основании правил в конкретном случае. Рассмотрены некоторые сложности, которые возникают при использовании этого метода определения в рамках условие-истинностной семантики. В частности, показано, что Харт в своем определении использует открытые предложения формы «X имеет субъективное право», которые отличаются от закрытых предложений, прежде всего, тем, что они содержат свободные переменные с неопределенным пробегом значений. Эта неопределенность не позволяет приписать им истинностное значение. Понятие истинности и ложности относится только к высказываниям, которые выражены закрытыми предложениями. Таким образом, постулирование Хартом особой семантической природы правовых понятий и особой эпистемологической задачи определений в юриспруденции нашло отражение в его теории условие-истинностного определения — разновидности контекстуального определения.
Ключевые слова: определение, юридический язык, аналитическая философия права, правовые понятия

В истории¹ правовой мысли нередко принимались попытки не просто дать оценку применимости в юридическом языке тех или иных видов определений, заимствованных из других типов дискурса, но разработать собственно юридическую теорию определений, которая учитывала бы особый характер правовых понятий. Необходимость подобного рода исследований обосновывалась, с одной стороны, исключительно методологическими задачами, т.е. тем, что определение играет важную роль в правотворческой и правоприменительной деятельности; и, с другой стороны, — онтоэпистемологическими задачами, связанными со специфическим характером самих правовых понятий. Этот специфический

характер, по мнению одного из ведущих современных философов права Г.Л.А. Харта, заключается в «открытой текстуре» правовых понятий, т.е. в их свойстве становиться неопределенными в пограничных (нестандартных) случаях употребления². Игнорирование этой специфики приводит к тому, что в тексты юридических документов проникают такие распространенные логические ошибки, связанные с формулировкой определений, как тавтологичность, круг в определении, определение неизвестного через неизвестное, отсутствие в определении специфических признаков правового понятия, позволяющих отличить его от других понятий

* Работа выполнена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ, проект № МД-1530.2018.6 «Теория определений в современной юриспруденции».

² См.: Касаткин С.Н. «Открытая структура» юридического языка в концепции Герберта Л.А. Харта // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 2. С. 193—198.

и т.д.³ Безусловно, этому необходимо противостоять, поскольку проблема экспликации (уточнения) подлинного смысла понятий и терминов, используемых в юриспруденции, крайне важна для их нормативного использования.

Теория определений правовых понятий получила широкое обращение и обсуждение именно в рамках аналитической философии права. И это не случайно. Нарботки лингвистической философии первой половины XX в., утверждающей, что определение необходимо осуществляется в рамках некоторого языка, оказались как нельзя кстати для новой интерпретации философско-правовых проблем и «прояснения» юридического языка через анализ словоупотребления основных его понятий. Внимание к языку права, анализу структуры и логики правовых норм, анализу содержания нормативного предписания и правовых конструкций обусловили становление и развитие аналитической философии права⁴. Г.Л.А. Харт, которого по праву можно назвать родоначальником современной аналитической философии права, так охарактеризовал это новое направление правовой мысли: «современная [аналитическая] философия не только занимается проблемами обыденного языка, но и говорит на нем; и теперь между этими двумя науками [аналитическая философия и юриспруденция] больше не существует барьера из метафизического жаргона технических терминов»⁵. Оказалось, что новации и методики лингвистического анализа языка можно использовать для определения правовых понятий.

Наиболее удачные попытки разработать теорию определений, которая была бы применима к анализу понятий юридического языка, предприняли И. Бентам и Г.Л.А. Харт. Бентам разработал теорию фикционализма и основанный на ней метод парафраза (*paraphrasis*), как особого инструмента определения абстрактных («вымышленных», выражаясь словами Бентама) сущностей, к которым относятся понятия и термины юриспруденции⁶. Харт предложил теорию условие-истинностного (*truth-conditional definition*) определения, теорию, интегрирующую бентамовский парафраз и известное в логике определение в употреблении (*definition in use*). Эти теории заслуживают внимания не только

потому, что они получили последовательное и систематическое изложение в работах своих авторов, но потому, что оказали сильное влияние на развитие последующих философских и правовых концепций, особенно в рамках современной аналитической философии права. Вот, например, какую оценку Бентаму дал известный американский логик и философ У.В.О. Куайн: «Бентам произвел революцию в семантике; возможно, не такую неожиданную, как революция Коперника в астрономии, но тем не менее центр дискуссий сместился: первичным носителем значения стало рассматриваться не слово, но предложение»⁷. Или вот, что по поводу теории определений Харта написал известный представитель скандинавского правового реализма А. Росс: «Если его [Харта] подход верен, то это — значительный вклад в теорию права»⁸.

Именно Бентам, по словам Харта, «много лет назад выступил с предупреждением, что юридические слова требуют особого метода пояснения, и провозгласил принцип, составляющий начало премудрости в этом деле: <...> мы никогда не должны рассматривать слова сами по себе, но все предложения целиком, в которых они играют характерную для себя роль»⁹. Так, например, вместо того чтобы определять такое слово как «обязанность», взятое отдельно, «нам следует исследовать целое предложение, в котором оно используется; необходимо спрашивать не о значении слова “обязанность”, но о значении утверждения, что у человека есть обязанность, а затем искать перевод или подбирать синоним такому утверждению»¹⁰. Единственным способом, который может быть здесь полезен, по мнению Бентама, является метод парафраза (*paraphrasis*) — предоставление одной фразы вместо другой, а не одного слова вместо другого: «словом парафраз можно обозначить такое изложение, когда суждение, субъектом которого является ни что иное, как вымышленная сущность, превращается в суждение, субъектом которого выступает реальная сущность»¹¹. Важным следствием этой идеи является то, что отдельные слова приобретают значение в результате анализа

³ См.: Апт Л.Ф. Дефиниции и право. М., 2008. С. 5.

⁴ См.: Оглезнев В.В. Г.Л.А. Харт и формирование аналитической философии права. Томск, 2012; Дидикин А.Б. Аналитическая философия права: истоки, генезис и структура. Томск, 2016.

⁵ Харт Г.Л.А. Философия и язык права. М., 2017. С. 114.

⁶ См.: Оглезнев В.В. Бентам об определении вымышленных сущностей и категориях Аристотеля // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2019. № 1(13). С. 339—348.

⁷ Quine W.V.O. Five Milestones of Empiricism / Theories and Things. Cambridge: Harvard University Press, 1981. P. 69.

⁸ Ross A. Definition in Legal Language // Logique Et Analyse. 1958. Vol. 1. No. 3/4. P. 139.

⁹ Hart H.L.A. Definition and Theory in Jurisprudence // Law Quarterly Review. 1954. Vol. 70. P. 41.

¹⁰ Hart H.L.A. Essay on Bentham. Studies in Jurisprudence and Political Theory. Oxford: Clarendon Press, 1982. P. 43.

¹¹ Bentham J. Essay on Logic / The Works of Jeremy Bentham, vol. 8. Edinburgh: William Tait, 1843. P. 246.

пропозициональных форм, а единицей значения становится целое предложение: «Основные новации Бентама как философа как раз и происходили из этого прозрения; поскольку он верил, что отношение языка, а также мышления к миру будет совершенно неправильно истолковано, если мы понимаем предложения как состоящие из слов, которые лишь просто именуют или обозначают элементы реальности и, следовательно, имеют смысл независимо от соответствующих сентенциальных форм»¹². Этот оригинальный подход получил дальнейшее развитие в философии права XX в., в работах, прежде всего, Харта, который применил новации Бентама к исследованию функционирования уже всего юридического языка¹³. Харт пришел к выводу, что несмотря на то, что метод Бентама применим ко многим случаям и позволяет многое прояснить, он тем не менее ведет к искаженному пониманию большого числа таких юридических слов, как «субъективное право» или «обязанность», чья характерная роль реализуется не в утверждениях о факте, но в юридических выводах. Парафраз этих слов в эмпирические термины невозможен, и когда Бентам предлагает такой парафраз, он не получается вовсе¹⁴. Значит, необходимо модифицировать подход Бентама, что Харт и предпринял.

Основная проблема, с которой неизбежно приходится столкнуться, заключается в том, что традиционная техника определения через ближайший род и видовое отличие (*per genus proximum et differentiam specificam*) не может использоваться для прояснения правовых понятий, поскольку она не учитывает их отмеченной специфики. Напротив, она успешно применяется при анализе множества обычных понятий, например, таких как «собака» или «стул». Подобные понятия не являются *sui generis*, они вполне определимы через род и видовое отличие. Так, понятие «животное» является родом для первого, а «мебель» — для второго, и каждый род известен и понятен. В определенных контекстах понятия «собака» или «стул» могут употребляться отдельно от целостных предложений, более или менее соотноситься с аналогами в мире фактов и могут быть отделены от других видов того же самого рода. По отношению ко многим понятиям обыденного языка такое определение

безвредно. «Вполне можно сказать, — пишет Харт, — что слово “стул” непосредственно прикреплено к определенному рода вещи (а также “подразумевает” или “обозначает” ее), в данном случае — к некоему предмету мебели. Сходным образом о слове “красный” можно сказать, что оно непосредственно прикреплено к определенно различимому типу цвета»¹⁵. Но если попытаться применить эту технику к определению правовых понятий, то необходимо принять утверждение, что правовые понятия можно обоснованно изолировать, ориентируясь на их языковое выражение, в качестве отдельных слов, которые могут быть более или менее точным образом соотнесены с их аналогами в мире фактов, а затем отделены от других видов того же самого рода. Но получится ли это сделать? Есть вполне оправданные сомнения. Это связано с тем, что слова юридического языка не имеют непосредственной связи с аналогами в мире фактов, которая есть у большинства обычных слов, а обычные слова не эквивалентны словам, употребляемым в юриспруденции. Из чего Харт заключает, что «наша неспособность определить ключевые термины с точки зрения обычных аналогов в мире фактов есть величайшая аномалия юридического языка»¹⁶, однако, «правовые понятия, какими бы фундаментальными они ни были, могут быть прояснены с помощью методов, должным образом приспособленных к их особой природе»¹⁷.

Харт берется за разработку нового для философии права XX в. способа определения — «объясняющего прояснения» (*explanatory elucidation*), важнейшим принципом которого является утверждение, что правовые понятия могут быть прояснены только рассмотрением условий, при которых высказывания, где они используются характерным для них образом, являются истинными. Преимущество этого метода, по мнению Харта, связано с тем, что он в отличие от традиционного определения соответствует таким свойствам юридического языка, которые «объясняют, почему определение таких терминов как “субъективное право”, “обязанность” и “юридическое лицо”, расстраивается отсутствием каких-либо аналогов, которые им “соответствовали” бы»¹⁸. Эти свойства демонстрируются следующими утверждениями.

1. Рассматривать такие слова как «субъективное право» или «обязанность» следует

¹² Hart H.L.A. Essay on Bentham. P. 10.

¹³ См.: Касаткин С.Н. Проект определения правовых понятий и концептуальный статус международного права: доктрина Герберта Харта // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2013. № 2. С. 27—35.

¹⁴ См.: Hart H.L.A. Definition and Theory in Jurisprudence. P. 48.

¹⁵ Харт Г.Л.А. Философия и язык права. С. 146—147.

¹⁶ Hart H.L.A. Definition and Theory in Jurisprudence. P. 41.

¹⁷ Ibid. P. 37.

¹⁸ Ibid. P. 42.

в типичных контекстах, где эти слова задействованы, а не брать их изолированно. Например, высказывание «А имеет право на то, чтобы В заплатил ему 10 фунтов».

2. Высказывание «А имеет право на то, чтобы В заплатил ему 10 фунтов» предполагает существование правовой системы, а именно, наличие в этой системе конкретной нормы права, которая является не просто условием истинности этого высказывания, но также основанием для получения заключения.

3. Высказывание «А имеет право на то, чтобы В заплатил ему 10 фунтов», сделанное судьей в конкретном случае, имеет официальный, властный и окончательный характер. Иными словами, это — суть юридического заключения или юридической квалификации.

4. Правовые нормы могут связывать тождественные последствия с любым набором весьма различных обстоятельств. Более сложное правило может предписывать, что то, что должно быть сделано в одной точке последовательности, будет зависеть от того, что было сделано или случилось ранее¹⁹.

Итак, основная суть метода Харта заключается в том, что вместо определения отдельного термина необходимо рассмотреть высказывание, где соответствующее языковое выражение играет характерную для себя роль и разъясняется, во-первых, посредством спецификации условий, при которых все высказывание истинно, и, во-вторых, посредством того, как данное выражение употребляется для того, чтобы получить заключение на основании правил в конкретном случае²⁰. Работу своего метода он демонстрирует на примере понятия «субъективное право»:

1) высказывание формы «Х имеет субъективное право» истинно, если выполняются следующие условия:

а) в наличии имеется правовая система;

б) в соответствии с нормой или нормами этой системы некое иное лицо Y в случившихся обстоятельствах обязано совершить некоторое действие или воздержаться от него;

с) эта обязанность находится в правовой зависимости от выбора X или какого-то иного лица, уполномоченного действовать от его имени, и при этом Y обязан совершить некоторое действие или воздержаться от него, только если в этом состоит выбор X (или какого-то указанного лица) или, наоборот, пока X (или какое-то указанное лицо) не выберет обратное;

2) высказывание формы «Х имеет субъективное право» употребляется для того чтобы

получить юридическое заключение в конкретном случае, который подпадает под такие нормы²¹.

Интерес для исследования представляет первая часть этого метода, поскольку именно она в полной мере отражает основные логико-семантические аспекты его теории определений. Прагматическая интерпретация второй части, а именно, высказывания «Х имеет субъективное право», используемого в качестве юридического заключения, показывает, и здесь мы солидарны с позицией британского аналитического философа П. Хакера, что юридическое заключение может быть проинтерпретировано в виде вердиктивного речевого акта только в определенных случаях, в других же случаях оно может быть описанием, предположением, приписыванием, восхищением, желанием и др. А это приводит к тому, что вторая часть этого определения становится излишней и ее спокойно можно проигнорировать²². Поэтому остановимся на первой части.

Подход Харта, демонстрируемый в первой части его определения, имеет весьма близкое сходство с методом, распространенным среди философов-аналитиков и логиков, а именно, с методом «определения в употреблении» или контекстуального определения, на что Харт сам явно или неявно указывает²³. Данный метод заключается в том, что выражение должно анализироваться только в рамках контекста его употребления. В этом случае контекст демонстрирует, что обособленное от него выражение само по себе не выполняет денотативную функцию. Типичным примером подобного анализа является теория определенных дескрипций британского философа и логика Б. Рассела, согласно которой определенная дескрипция является неполным символом, т.е. символом, который сам по себе не имеет значения, но только в контексте предложения. Рассел считал, что все неполные символы могут быть определены. Логическое определение неполного символа в таком случае должно быть контекстуальным, которое Рассел называл определением в употреблении (*definition in use*): «Под “неполным” символом мы подразумеваем символ, относительно которого предполагается, что изолированно он не имеет

²¹ Ibid. P. 49.

²² См.: Hacker P. Definition in Jurisprudence // The Philosophical Quarterly. 1969. Vol. 19. No. 77. P. 346. См. также: Оглезнев В. В., Суровцев В. А. Определение в аналитической философии права: П. Хакер versus Г. Харт // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 421. С. 36—40.

²³ См.: Hart H. L. A. Definition and Theory in Jurisprudence. P. 48; Hart H. L. A. Essays in Jurisprudence and Philosophy. Oxford: Clarendon Press, 1983. P. 34, 89—91, 272—274, 288; Харт Г. Л. А. Понятие права. СПб., 2007. С. 21—25; Харт Г. Л. А. Философия и язык права. С. 146-148, 158.

¹⁹ См.: Ibid. P. 42—44.

²⁰ См.: Ibid. P. 49.

никакого значения, а определен лишь в некотором контексте. <...> Такие символы обладают тем, что мы можем назвать “определением в употреблении”²⁴. Однако теория определенных дескрипций является частным случаем применения принципа контекстности, сформулированного еще немецким логиком Г. Фреге, принципа, который требует рассматривать логическую позицию того или иного выражения только в контексте целостного высказывания: «о значении слова нужно спрашивать не в его обособленности, а в контексте предложения»²⁵, «всегда необходимо учитывать полное предложение; только в нем слова обладают подлинным значением»²⁶.

Харт был знаком с идеями Фреге, влияние которых сказалось на его теории определений. Речь идет, прежде всего, о следующих двух идеях Фреге: во-первых, в качестве первичного носителя значения следует рассматривать не термин, а высказывание, и, во-вторых, следует учитывать структуру высказывания, когда определяющим становится не форма связи понятий, а условия истинности высказываний. Первая идея Фреге восходит к утверждению Бентама, что «мы никогда не должны рассматривать слова, взятые изолированно, но должны рассматривать все предложение целиком, где они играют характерную для себя роль», на что Харт прямо указывает²⁷. А вот вторая идея в интерпретации Харта требует уточнения.

Харт считает, что высказывание «X имеет субъективное право» истинно, если выполняются условия (a)—(c). Однако здесь возникают некоторые сложности. Первая связана с тем, что выражение формы «X имеет субъективное право» является открытым предложением в том смысле, в котором его, например, понимает Куайн, т.е. не выражающим истинности или ложности высказывания, что предполагается у Харта, поскольку содержит переменную²⁸. По

сути дела, это выражение является одноместным предикатом, выражающим пропозициональную функцию, в духе того, что предложил Фреге²⁹. Открытые предложения вроде «X имеет субъективное право» отличаются от закрытых предложений именно тем, что они содержат свободные переменные с неопределенным пробегом значений. Эта неопределенность не позволяет приписать им истинностное значение в отличие от закрытых предложений, в которых на месте переменных стоят имена или же переменные попадают в область действия какого-либо квантора, который, выполняя функцию обобщенного наименования, устанавливает область пробегания переменной. Понятие истинности и ложности относится только к высказываниям, которые выражены закрытыми предложениями. Таким, например, является закрытое предложение «Смит имеет право требовать определенного поведения от Джонса». Формальная структура закрытых предложений как раз и отличается от открытых предложений вроде «X имеет субъективное право» отсутствием свободных переменных³⁰.

Другая сложность, вытекающая из первой, связана с различием между истинностным значением высказывания и условиями истинности предложения в рамках условно-истинностной теории значения, которой Харт, судя по его определению, придерживается. По крайней мере, есть основания полагать, что он разделяет тезис, что «описать значение предложения — значит определить условия, при которых оно было бы истинно или ложно для той ситуации или состояния мира, которое оно имеет целью описать»³¹. Истинностным значением высказывания является его истинность или ложность. В этом смысле предложения не имеют истинностного значения. Однако предложения могут иметь условия истинности, т.е. условия, которые определяют истинностное значение

²⁴ Уайтхед А., Рассел Б. Основания математики: в 3 т. Т. I. Самара, 2005. С. 142.

²⁵ Фреге Г. Логико-философские труды. Новосибирск, 2008. С. 139.

²⁶ Там же. 196.

²⁷ См.: Харт Г.Л.А. Философия и язык права. С. 147.

²⁸ «Грамматическая конструкция — предикация одноместного предиката — состоит в соединении предиката, например, глагола “идет”, с переменной до формы предложения “x идет”. Результатом является атомарное предложение — атомарное в том смысле, что оно не содержит подчиненных предложений. К тому же оно является открытым предложением, потому что содержит переменную. Оно является истинным для некоторых значений переменной, а именно для тех, кто идет, и ложным для других значений, но само по себе оно не является ни истинным, ни ложным. Такова особенность открытого предложения» (цит. по: Куайн У.В.О. Философия логики. М., 2008. С. 46).

²⁹ «Фреге предложил заменить субъект и предикат высказывания на функцию и аргумент, где функция понимается как то, что сопоставляет аргументам, входящим в высказывание, некоторое значение истинности. Так, например, в высказывании “Водород легче углекислого газа”, выражение “быть легче углекислого газа” может рассматриваться как функция, сопоставляющая аргументу “водород” значение истина, если же в качестве аргументов взять другие названия газов, эта же функция может сопоставлять им другое значение» (цит. по: Суровцев В.А. О логико-философских взглядах Готлоба Фреге / Фреге Г. Логико-философские труды. Новосибирск, 2008. С. 11; см. также: Фреге Г. Логика и логическая семантика: Сборник трудов. М., 2000. С. 79—81).

³⁰ См. подробнее: Birmingham R. Hart's Definition and Theory in Jurisprudence Again // Connecticut Law Review. 1984. Vol. 16. P. 775—801.

³¹ См.: Лайонз Дж. Лингвистическая семантика: Введение. М., 2003. С. 162.

передаваемых предложениями высказываний в тех случаях, когда предложения используются в функции утверждений. Существование глубокой внутренней связи между описательным значением и истинностью не вызывает сомнений. Кроме того, вполне убедительным представляется положение, что знать значение предложения — значит знать условия его истинности, т.е. то, что оно описывает. Из этого, однако, не следует, что все предложения имеют условия истинности и что эти условия полностью определяют значение предложений. Но если мы исходим из того, что высказывание «X имеет субъективное право» представлено открытым предложением и потому оно не имеет истинностного значения, то условия истинности Харта оказываются неприменимыми. Следует либо преобразовать открытые предложения в закрытые, чтобы избавиться от свободных переменных с неопределенным пробегом значений, либо вообще сделать то, что предложил Р. Бирмингем, а именно, отказаться от условий истинности, предлагаемых Хартом, в пользу условий утверждаемости (*assertibility conditions*)³² и выводимости. В результате получаем следующую модификацию хартовского определения понятия «субъективное право»:

1) мы можем утверждать, например, «Джонс имеет субъективное право», если выполняются следующие условия:

а) зачастую мы аккуратно используем предложения, содержащие юридические слова;

б) мы сказали: «У Смита есть обязанность»;

с) Джонсу разрешено сказать: «Смит должен исполнить обязанность»;

2) из «Джонс имеет субъективное право» и из других подобных предложений мы можем вывести «Смит должен заплатить Джонсу 10 \$» и т.д.³³

По-видимому, Харт также ощущал эти сложности и пытался их разрешить, изменяя содержание своих аргументов. Вот что он сказал тридцать лет спустя: «Я не допускал важного различия между относительно постоянным значением или смыслом предложения, фиксируемым языковыми конвенциями, и изменяющейся «силой» или способом, которым говорящий использует это предложение. <...> Было неверным утверждать, что высказывания о субъективных правах являются выводами из правовых правил, поскольку такие предложения в разных

обстоятельствах имеют разное значение независимо от того, использует ли их говорящий в качестве выводов. Если он действительно использует такое высказывание в качестве вывода, то имеется в виду сила высказывания, а не часть значения предложения. Моя ошибка состояла в том, что, хотя я рассматривал такие предложения в качестве истинных или ложных, я отрицал, что они являются «дескриптивными» в силу статуса, который я им ошибочно приписывал в качестве юридического заключения»³⁴. Но Харт не отказался от основной своей идеи, что правовые понятия следует рассматривать не изолированно, но в характерных правовых контекстах, ибо «юриспруденция должна обеспечить именно более ясный обзор или свод тех особенностей правовых понятий, которые отличают их от обычных, относительно хорошо понятых типов понятий, и четко показать их отличительный способ функционирования»³⁵.

Таким образом, Харт не только видоизменяет технику парафраза Бенета, но и старается адаптировать к анализу правовых понятий определение в употреблении, заимствованное у философов-аналитиков и логиков. Постулирование Хартом особой семантической природы правовых понятий и особой эпистемологической задачи определений в юриспруденции нашло отражение в его теории *условие-истинностного определения* — разновидности *контекстуального определения*, когда «вместо того чтобы определять тот или иной термин независимо от контекста, мы определяем его в контексте иных терминов, в совокупности с которыми он чаще всего встречается»³⁶. В теории, «которая показывает, как слова, например, «субъективное право», получают свое значение из того способа, которым они функционируют в связи с правовыми нормами, ибо именно это делает их отличными от обычных слов»³⁷.

Список литературы

1. Апт Л.Ф. Дефиниции и право. М., 2008.
2. Горский Д.П. Определение: логико-методологические проблемы. М., 1974.
3. Дидикин А.Б. Аналитическая философия права: истоки, генезис и структура. Томск, 2016.
4. Касаткин С.Н. «Открытая структура» юридического языка в концепции Герберта Л.А. Харта //

³² См.: Brandom R. Truth and Assertibility // The Journal of Philosophy. 1976. Vol. 73. No. 6. P. 137—149; Atlas J.D. Logic, Meaning, and Conversation: Semantical Underdeterminacy, Implicature, and Their Interface. Oxford University Press, 2005. P. 149—184.

³³ См.: Birmingham R. Hart's Definition and Theory in Jurisprudence Again. P. 798.

³⁴ Hart H.L.A. Essays in Jurisprudence and Philosophy. P. 5.

³⁵ Харт Г.Л.А. Философия и язык права. С. 162.

³⁶ Горский Д.П. Определение: логико-методологические проблемы. М., 1974. С. 53.

³⁷ Харт Г.Л.А. Философия и язык права. С. 148.

- Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 2. С. 193—198.
5. Касаткин С.Н. Проект определения правовых понятий и концептуальный статус международного права: доктрина Герберта Харта // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2013. № 2. С. 27—35.
 6. Куайн У.В.О. Философия логики. М., 2008.
 7. Лайонз Дж. Лингвистическая семантика: Введение. М., 2003.
 8. Оглезнев В.В. Бентам об определении вымышленных сущностей и категориях Аристотеля // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2019. № 1(13). С. 339—348.
 9. Оглезнев В.В. Г.Л.А. Харт и формирование аналитической философии права. Томск, 2012.
 10. Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Определение в аналитической философии права: П. Хакер versus Г. Харт // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 421. С. 36—40.
 11. Суровцев В.А. О логико-философских взглядах Готлоба Фреге / Фреге Г. Логико-философские труды. Новосибирск, 2008.
 12. Уайтхед А., Рассел Б. Основания математики: в 3 т. Т. I. Самара, 2005.
 13. Фреге Г. Логико-философские труды. Новосибирск, 2008.
 14. Фреге Г. Логика и логическая семантика: Сборник трудов. М., 2000.
 15. Харт Г.Л.А. Понятие права. СПб., 2007.
 16. Харт Г.Л.А. Философия и язык права. М., 2017.
 17. Atlas J.D. Logic, Meaning, and Conversation: Semantical Underdeterminacy, Implicature, and Their Interface. Oxford University Press, 2005. P. 149—184.
 18. Bentham J. Essay on Logic / The Works of Jeremy Bentham, vol. 8. Edinburgh: William Tait, 1843. P. 213—293.
 19. Birmingham R. Hart's Definition and Theory in Jurisprudence Again // Connecticut Law Review. 1984. Vol. 16. P. 775—801.
 20. Brandom R. Truth and Assertibility // The Journal of Philosophy. 1976. Vol. 73, No. 6. P. 137—149.
 21. Hacker P. Definition in Jurisprudence // The Philosophical Quarterly. 1969. Vol. 19, No. 77. P. 343—347.
 22. Hart H.L.A. Definition and Theory in Jurisprudence // Law Quarterly Review. 1954. Vol. 70. P. 37—60.
 23. Hart H.L.A. Essay on Bentham. Studies in Jurisprudence and Political Theory. Oxford: Clarendon Press, 1982.
 24. Hart H.L.A. Essays in Jurisprudence and Philosophy. Oxford: Clarendon Press, 1983.
 25. Ross A. Definition in Legal Language // Logique Et Analyse. 1958. Vol. 1, No. 3/4. P. 139—149.
 26. Quine W.V.O. Five Milestones of Empiricism / Theories and Things. Cambridge: Harvard University Press, 1981. P. 67—72.

Herbert Hart's Theory of Definition in the Context of Analytical Legal Philosophy

Ogleznev Vitaly,
Doctor of Philosophy,

Professor of the Department of Theory and History
of the State and Law, Faculty of Law, Saint-Petersburg State University

Abstract. *The article presents Herbert Hart's theory of definition in the context of modern analytical legal philosophy. Dissatisfaction with the applicability of the traditional method of definition by the genus and differentia to the elucidation of legal concepts led Hart to the development a new method of definition. It is shown that Hart not only modifies the paraphrase of Jeremy Bentham, but also tries to adapt to the analysis of legal concepts the definition in use borrowed from analytical philosophers and logicians. It has been established that the key point of Hart's method is that instead of defining a separate term, it is necessary to consider a statement, where the utterance plays a characteristic role, and is explained by specifying the conditions under which the entire statement is true. Some difficulties that arise when one uses this definition in the framework of the truth-conditional semantics are considered. In particular, it is shown that Hart uses open sentences of the form "X has a right" in its definition, which differ from closed sentences, primarily because they contain free variables with indefinite range of values. This uncertainty does not allow us to attribute to them the truth-value. The concepts of truth and falsity apply only to statements that are expressed by closed sentences. Thus, Hart's claim of a special semantic nature of legal concepts and a special epistemological task of definitions in jurisprudence is reflected in his theory of the truth-conditional definition — a kind of contextual definition.*

Key words: *definition, legal language, analytical legal philosophy, legal concepts.*

References

1. Apt L.F. Definitsii i pravo [Definitions and law]. Moscow, 2008.
2. Gorskii D.P. Opredelenie: logiko-metodologicheskie problem [Definition: logical and methodological problems]. Moscow, 1974.

3. Didikin A.B. Analiticheskaia filosofia prava: istoki, genezis i struktura [Analytical philosophy of law: origins, genesis and structure]. Tomsk, 2016.
4. Kasatkin S.N. «Otkrytaia struktura» iuridicheskogo iazyka v kontseptsii Gerberta L. A. Kharta [«Open structure» of the legal language in the concept of Herbert L. A. Hart]. *Vektor nauki Tol'iattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Iuridicheskie nauki* [Vector of science of Togliatti State University. Series: Jurisprudence]. 2010. No. 2. S. 193—198.
5. Kasatkin S.N. Proekt opredeleniia pravovykh poniatii i kontseptual'nyi status mezhdunarodnogo prava: doktrina Gerberta Kharta [The draft definition of legal concepts and the conceptual status of international law: Herbert Hart's doctrine]. *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya: Pravo* [Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Law]. 2013. No. 2. S. 27—35.
6. Kuain U.V.O. Filosofia logiki [The philosophy of logic]. Moscow, 2008.
7. Laionz Dzh. Lingvisticheskaia semantika: Vvedenie [Linguistic semantics: Introduction]. Moscow, 2003.
8. Ogleznev V.V. Bentam ob opredelenii vymyshlennykh sushchnosti i kategoriakh Aristotelia [Bentham on the definition of fictional essences and categories of Aristotle]. *Scholae. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaiia traditsiia* [Scholae. Philosophical Antiquity and the Classical Tradition]. 2019. No. 1(13). S. 339—348.
9. Ogleznev V.V. G.L.A. Khart i formirovanie analiticheskoi filosofii prava [G.L. A. Hart and the formation of an analytical philosophy of law]. Tomsk, 2012.
10. Ogleznev V.V., Surovtsev V.A. Opredelenie v analiticheskoi filosofii prava: P. Khaker versus G. Khart [Definition in the analytical philosophy of law: P. Hacker versus G. Hart]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. 2017. No. 421. S. 36—40.
11. Surovtsev V.A. O logiko-filosofskikh vzgliadakh Gotloba Frege [On the logical and philosophical views of Gotlob Frege] / Frege G. Logiko-filosofskie trudy. Novosibirsk, 2008.
12. Uaitkhed A., Rassel B. Osnovaniia matematiki: v 3 t. [Foundations of mathematics: in 3 vol.] Vol. I. Samara, 2005.
13. Frege G. Logiko-filosofskie trudy [Logico-philosophical works]. Novosibirsk, 2008.
14. Frege G. Logika i logicheskaiia semantika: Sbornik trudov [Logic and logical semantics: Proceedings]. Moscow, 2000.
15. Khart G.L.A. Poniatie prava [The concept of law]. Saint Petersburg, 2007.
16. Khart G.L.A. Filosofia i iazyk prava [Philosophy and language of law]. Moscow, 2017.
17. Atlas J.D. Logic, Meaning, and Conversation: Semantical Underdeterminacy, Implicature, and Their Interface. Oxford University Press, 2005. P. 149—184.
18. Bentham J. Essay on Logic / The Works of Jeremy Bentham, vol. 8. Edinburgh: William Tait, 1843. P. 213—293.
19. Birmingham R. Hart's Definition and Theory in Jurisprudence Again // Connecticut Law Review. 1984. Volume 16. P. 775—801.
20. Brandom R. Truth and Assertibility // The Journal of Philosophy. 1976. Volume 73. No. 6. P. 137—149.
21. Hacker P. Definition in Jurisprudence // The Philosophical Quarterly. 1969. Volume 19. No. 77. P. 343—347.
22. Hart H.L.A. Definition and Theory in Jurisprudence // Law Quarterly Review. 1954. Volume 70. P. 37—60.
23. Hart H.L.A. Essay on Bentham. Studies in Jurisprudence and Political Theory. Oxford: Clarendon Press, 1982.
24. Hart H.L.A. Essays in Jurisprudence and Philosophy. Oxford: Clarendon Press, 1983.
25. Ross A. Definition in Legal Language // Logique et Analyse. 1958. Volume 1. No. 3/4. P. 139—149.
26. Quine W.V.O. Five Milestones of Empiricism / Theories and Things. Cambridge: Harvard University Press, 1981. P. 67—72.

